

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЭМОТИВНОГО СОДЕРЖАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

LINGUISTIC APPROACH TO THE ANALYSIS OF EMOTIVE CONTENT FOR WORKS OF ART

L. Klimina

Summary. The paper proposes a linguistic approach to the analysis of the emotive space of the works of Russian literature. The author describes the results of the study of the emotive content of the Novel by L. N. Tolstoy's «family happiness» and the emotional space of V. M. Shukshin's stories. The objects of research—works of art of different genres and different periods of creation — allow the author to clarify the model of linguistic analysis of the emotive content of texts and draw a conclusion about its productivity in modern Philology.

Keywords: text, literary text, linguistic analysis, semantic space, emotive space, emotive meanings, emotional tonality of the text.

Климина Людмила Владимировна

К.филол.н., доцент, Стерлитамакский филиал
Башкирского государственного университета
klimina.64@mail.ru

Аннотация. В работе предлагается лингвистический подход к анализу эмотивного пространства произведений русской художественной словесности. Автор описывает результаты исследования эмотивного содержания романа Л. Н. Толстого «Семейное счастье» и эмотивного пространства рассказов В. М. Шукшина. Объекты исследования — художественные произведения разных жанров и разных периодов создания — позволяют автору статьи уточнить модель лингвистического анализа эмотивного содержания текстов и сделать вывод о её продуктивности в современной филологии.

Ключевые слова: текст, художественный текст, лингвистический анализ, семантическое пространство, эмотивное пространство, эмотивные смыслы, эмоциональная тональность текста.

В современной филологической науке исследователи разрабатывают лингвистические подходы к анализу содержания произведений русской словесности. Для обозначения содержания произведения языковеды используют термин «семантическое пространство» [2, с. 50–51]. Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарин выделяют денотативное, концептуальное и эмотивное пространство в качестве сфер семантического пространства текста [1, с. 53]. Эмотивное пространство художественного произведения является важнейшей сферой его семантического пространства, поскольку именно эмотивное содержание художественного текста позволяет автору реализовать эстетическую функцию как специфическую функцию художественной речи. В ходе анализа эмотивного пространства текста, по мнению исследователей, следует выявлять эмотивные смыслы, включенные в структуру образов персонажей, и эмотивные смыслы в структуре образа автора, а также определять эмоциональную тональность текста и средства ее создания [1: 48]. Данная модель разбора эмотивного содержания художественных текстов требует уточнения в отношении исследования произведений разных жанров и разных периодов создания в истории русского литературного языка. В данной статье предложен инновационный эмотивный подход к исследованию произведений русской художественной словесности. В качестве объекта исследования нами выбраны художественные произведения XIX–XX веков — роман Л. Н. Толстого «Семейное счастье» и рассказы В. М. Шукшина. Лингвистическое исследо-

вание эмотивного пространства романа и рассказов позволит определить продуктивность современного лингвистического подхода к анализу содержательной структуры произведений русской художественной словесности и позволит внести вклад в дальнейшую разработку антропоцентрической модели исследования художественного текста.

В романе «Семейное счастье» (1859) Л. Н. Толстой выбрал в качестве рассказчика семнадцатилетнюю девушку и показал читателям ее душевное обновление под воздействием чувства любви. Эмотивное пространство романа Л. Н. Толстого формирует ключевое выражение, вынесенное в заглавие произведения. «Семейное счастье» обозначает основную эмоцию произведения — радость от осуществления в жизни идеала счастья. Однако открывает роман эмоция грусти, которую испытывает героиня и близкие ей люди после смерти матери. Эмоцию грусти образует в тексте эмотивная лексика: «мрачный», «грустный», «печальный», «беспомощный», «не смеялись», «вздыхали», «плакали», «печаль и ужас смерти», «чувствовалась смерть», «становилось жутко», «слезы», «сильное горе», «чувство тоски, одиночества и просто скуки». Эмоциональная тональность лексики меняется с появлением главного героя произведения: «любил всех», «всегда веселый», «улыбался», «посмотрел твердым и веселым взглядом», «ласковая, как будто детская, улыбка», «был разговорчив, весел», «добрый, внимательный взгляд ... радостно смутил меня», «веселое лицо», «веселей будет», «весело сбегала вниз по лестнице»,

«взглядом обласкал, как ребенка». Постепенно душевное состояние Маши наполняется жизнью и эмотив «Любовь» становится ведущим в эмоциональных картинах мира персонажей: «хотелось самой заслужить его любовь», «целая жизнь впереди», «старый, мрачный покровский дом наполнился жизнью и светом», «обращался, как с молодым любимым товарищем», «любит меня», «в каждом движении и взгляде его я видела любовь», «Люблю тебя, милая девушка!», «всех на свете и себя так страстно, горячо любила в эту минуту», «с вечною любовью друг ко другу». Влюбленная героиня раскрывает секрет своего идеала семейного счастья: «И мне представлялись не поездки за границу, не свет, не блеск, а совсем другая, тихая семейная жизнь в деревне, с вечным самопожертвованием, с вечною любовью друг ко другу и с вечным сознанием во всем кроткого и помогающего providения».

Душа и сердце — центр эмоциональных переживаний главных образов романа. При этом эмотивные смыслы как в структуре образа Маши, так и в структуре образа Сергея Михайловича характеризуются полнотой. Героям свойственны не только эмоции радости, удовольствия, но и чувство горечи, раздражения, грусти. Например:

(1) *Я чувствовала, что слезы подступают мне к сердцу и что я раздражена на него. Я испугалась этого раздражения и пошла к нему.*

(2) — *Да? — спросил он улыбаясь, глядя на меня.*

— *Да, — сказала я шепотом; и какое-то веселое расположение духа охватило нас обоих, глаза наши смеялись, и мы шаги делали все больше и больше, и все больше и больше становились на цыпочки.*

Эмотивные смыслы в структуре образа Маши представлены в динамике. В первых фрагментах в связи с описанием траура в доме эмоциональное состояние героини передают существительные «печаль», «тоска», «одиночество». Повествование о событиях в жизни главных героев сменяется описаниями природной жизни весеннего сада. Доминирующей фрагментной эмоцией здесь становится радость — радость во внутреннем мире героини от появления надежд и желаний: «... я часто уходила в сад и долго, долго бродила одна по аллеям или сидела на скамейке, бог знает о чем думая, чего желая и надеясь». Чувство уважения и благодарности — важные эмоции в душе Маши, значение которых подчеркивается в ее рассуждениях: «... я чувствовала, что за тем, что я понимала в нем, оставался еще целый чужой мир, в который он не считал нужным впускать меня, и это сильнее всего поддерживало во мне уважение и притягивало к нему». Мечты, уважение и благодарность сменяются чувством любви: «И каждая мысль была его мысль,

и каждое чувство — его чувство. Я тогда еще не знала, что это любовь...».

Эмоциогенными в романе Л.Н.Толстого являются не только фрагменты, изображающие эмоции персонажей. Ключевую эмоциональную роль в произведении выполняют контексты с описанием природы. Пейзажная зарисовка дается параллельно с описанием душевного состояния персонажей и окрашивает его общей светлой тональностью:

— *Посмотрите, что за ночь! — сказал он из гостиной, останавливаясь перед открытой в сад балконною дверью...*

Мы подошли к нему, и точно, это была такая ночь, какой уж я никогда не видела после.

Пейзаж вызывает радостные мысли и положительные эмоции у персонажей и светлые по тональности чувства у читателей. Оптимистическую картину мира автор продолжает создавать эпизодами, передающими чувства героини, умеющей восторженно воспринимать природу, понимать красоту ее жизни:

Но мы подвигались, и волшебная стена красоты раздвигалась, впускала нас, и там тоже, казалось, был наш знакомый сад, деревья, дорожки, сухие листья.

Во второй части произведения намечается эмоциональный разрыв. «Светский угар» Маши понимает, но не принимает Сергей Михайлович. Несовпадение мыслей и чувств главных героев разрушает общую светлую тональность эмотивного содержания произведения. Показанные автором сложные отношения между супругами настраивают читателя на сочувствие главным персонажам. Дальнейшее эмоциональное развитие темы — способность супругов восстановить добрые отношения и «заразить» светлыми эмоциями читателей после того, как герои пережили «весь вздор жизни, для того чтобы вернуться к самой жизни»:

Я молча стала подле него, и на душе у меня становилось спокойнее.

— *Не будем стараться повторять жизнь, — продолжал он, — не будем лгать сами перед собою. А что нет старых тревог и волнений, и слава богу! Нам нечего искать и волноваться. Мы уж нашли, и на нашу долю выпало довольно счастья.*

В заключительных эпизодах произведения утверждается гармония добрых чувств Сергея Михайловича и умиротворенного душевного состояния Маши. Эмоциональная реакция читателя, настроенного автором на светлое восприятие темы, не отличается от авторско-

го осмысления чувств и мыслей персонажей, от авторского замысла в целом.

Я посмотрела на него, и мне вдруг стало легко на душе; как будто отняли у меня тот больной нравственный нерв, который заставлял страдать меня.

Таким образом, лингвистический анализ эмотивного содержания русского романа XIX века позволил разобраться в душевных исканиях героев произведения, определить его авторскую точку зрения и нравственные ценности русской национальной личности толстовской эпохи. Эмотивный анализ подчеркнул смысловую роль пейзажа в семантическом пространстве произведения Л. Н. Толстого, значение ключевой фразы в идейно-тематическом содержании романа. Лингвистический подход к анализу содержания раннего романа Л. Н. Толстого выявил такие особенности языка писателя как слияние литературно-письменной речи и разговорной речи дворянской интеллигенции, умение отразить движение душевной жизни героев в их внутренних монологах и диалогах и умение ясно и четко раскрыть сложное психологическое состояние человека.

Убедившись в продуктивности использования эмотивного подхода к исследованию художественного произведения XIX века, перейдем к определению целесообразности его применения в работе с художественными текстами XX-ого столетия, насыщенными элементами народной речи и эмоциями персонажей из народа. В рассказах В. М. Шукшина, написанных писателем с 1960 г. по 1974 г. года, наблюдаем разнообразие эмотивных смыслов. Например, в рассказе «Обида» значительно преобладает описание негативных эмотивных смыслов, которые репрезентируются следующим рядом слов: «обидели бессловесно», «сносить обиды», «с треском выставят», «охватит отчаяние», «особенно оскорбился», «обида толкнулась в грудь», «сводит челюсть от обиды» и т. д. В рассказе «Медик Володя», наоборот, преобладает «радостный» доминантный ряд: «ехал славно», «сдал хорошо», «на душе празднично», «обрадовался», «испытал удовольствие», «совсем хорошо стало» и т. д. В рассказе «Верую!» ярко представлена политональность в изображении эмотивных смыслов: «тоска», «боль души», «горечь», «грусть», «злость», «ненависть» и «добро», «вера», «справедливость», «покой», «жалость», «любовь», «удивление». Разнообразие эмотивных смыслов обусловлено замыслом автора и характерами персонажей. В процессе исследования персонажных эмотивных смыслов интересно определить их контекстологические и функционально-текстовые разновидности. В формировании контекстологических (фразовых, фрагментарных и общетекстовых) эмотивных смыслов участвует эмотивная лексика, характер семантики которой определяет эмотивное содержание рассказов В. М. Шукшина. Например,

эмотивная лексика «славно», «хорошо», «празднично» подчёркивает в рассказе «Медик Володя» состояние героя в первом фрагменте. Затем изображается формирование и развитие в душе персонажа чувства фальши при встрече Володи с землячкой. Эмотивный смысл «страдание» характеризует психологическое состояние студента в заключительной части рассказа. Причиной вызревания страдания в душе Прохорова является совесть, свойственная главному герою, непросто входящему на первых страницах произведения в «нарядную роль... чуть ли не кутилы и циника». Эмотивные смыслы контактируют друг с другом, динамично развиваются, пересекаются и реализуются в тексте при помощи различных композиционных форм речи — в повествовательных и описательных фрагментах, в контекстах с элементами рассуждения и эмотивных диалогах. Благодаря функционально-текстовым эмотивным смыслам шукшинские персонажи сами подсказывают, в каком эмоциональном ключе их воспринимать. Так, в рассказе «Классный водитель» представление о мире эмоций главного персонажа дают доминантные в его эмоциональном портрете интерпретационно-характерологические смыслы «добрая улыбка» и «ласковый взгляд». В рассказе «Игнаха приехал» ключевые эмоционально-жестовые смыслы позволяют автору индивидуализировать каждый миг психической жизни персонажей и описать скрытые эмоции литературных героев через внешнее проявление их в поведении. Сравните: «Отец и сын друг на друга не могли наглядеться», «Отец обиженно приподнял косматые брови», «Старик Байкалов размяк, облапал узловатыми ладонями голову, запел было... Но замолчал. Некоторое время сидел, опустив на руки голову. Потом сказал с неподдельной грустью...» и т. д.

Особую роль в разрешении эмоциональных конфликтов шукшинских персонажей играют сами персонажи, пытающиеся разгадать переживания близких. Поэтому их эмоционально-оценочные высказывания оказываются важными в эмотивном содержании произведения. Например, в рассказе «Игнаха приехал»:

— Ты, отец, разговорился что-то, — урезонила жена старика. — совсем уж из ума стал выжививать. Черт-те чего мелет. Не слушайте вы его, брехуна.

Изучение эмотивного содержания литературного произведения помогает более полному раскрытию образа автора, точкой зрения которого на объект изображения формируется художественный текст. В произведениях В. М. Шукшина имеет место прямое, непосредственное выражение эмотивно-оценочных смыслов в структуре образа автора и косвенное, опосредствованное выражение авторских интенций. При этом косвенный способ выражения эмотивно-оценочных смыслов является в исследованных рассказах доминирующим

и позволяет авторской точке зрения как бы вторгаться в ход повествования, эмотивно оценивая персонажа. Например, в рассказе «Одни»:

Да она стоит-то копейки! — Антип остановился у порога. Рублей шесть по новым ценам.

На. — Марфа сердито протянула ему шесть рублей.

Отношение к персонажу в эмотивном пространстве рассказов В. М. Шукшина выражается неоднократно, благодаря использованию слов с оценочной семантикой, эпитетов, метафорических номинаций. Эмоционально окрашенная лексика позволяет автору в изображении внешности литературных героев, в описании проявлений их внутренних эмоциональных переживаний как бы вступить в повествования, подчеркнуть эмоциональную оценку поведения персонажей. Например, в рассказе «Одни»:

Марфе действительно нужно было, чтобы он целыми днями только шил и шил: страсть как любила деньги, тряслась над копейкой.

Эмотивно целенаправленными в произведениях В. М. Шукшина являются описания сердца и души литературных героев, во внешности которых писатель особо подчёркивает и выделяет выразительность глаз. Авторские пейзажные зарисовки, насыщенные лексикой эмоционального жеста, заражают своей тональностью весь текст. Например, в рассказе «Охота жить»:

(1) В избушке было жарко. А на улице — морозно. На душе у Никитича — легко; (2) Ни парня, ни фуйки его, ни ружья Никитича не было. Неприятно сжало под сердцем.

Эмоциональная тональность в произведениях В. М. Шукшина создается, прежде всего, глагольной лексикой, лексикой эмоционального состояния, лексикой эмоциональной характеристики и лексикой эмоционального жеста, формируется повторяющимися

языковыми средствами. Стилистически сниженные номинативы выполняют экспрессивную функцию в разговорно-просторечных контекстах и свидетельствуют о межличностном эмоциональном конфликте персонажей. Эмоциональную тональность с установкой на разговорность создают эмоционально-оценочные высказывания в прямой и несобственно-прямой речи шукшинских персонажей и приёмы экспрессивного синтаксиса. По нашим наблюдениям, единая эмоциональная тональность связывает в рассказах В. М. Шукшина разные стили произношения. Например, в рассказе «Космос, нервная система и шмат сала»:

«Черти драные. Тут ли сейчас жить!» — думает он и вылезает на свет белый. Это он о сыновьях и дочери. Он ненавидит их за то, что они уехали в город.

Таким образом, В. М. Шукшин использует для создания эмотивных смыслов в структуре образов героев и в структуре образа автора самые разнообразные лексические, синтаксические, собственно-текстовые способы отображения эмоций, совокупность которых создаёт особую в каждом произведении эмоциональную тональность, преимущественно светлую. Полифонизм и внутритекстовая борьба эмоций, установка на разговорность и стилистическая гармония реплик положительных персонажей и комментариев автора — основа эмотивного содержания рассказов В. М. Шукшина.

Лингвистический подход к анализу содержания произведений русской художественной словесности оказался достаточно продуктивным, о чем свидетельствуют результаты изложенных выше исследований эмотивного пространства художественных произведений XIX–XX веков. Эффективной является методика описания авторских, персонажных эмотивных смыслов и эмоциональной тональности произведения для выявления его авторской точки зрения. Полагаем, что поиск новых лингвистических приемов в разборе содержательной структуры текстов открывает новую перспективу филологического исследования произведений словесности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. М.: Флинта: Наука, 2003. — 496 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. — 138 с.
3. Климина Л. В. Лингвистические подходы к анализу рассказов И. А. Бунина Русский язык: история и современное функционирование: Сб. научных трудов / Отв. ред. Л. В. Климина. — Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2017. — С. 8–17.
4. Климина Л. В. Семантическое пространство текста: Учебно-методическое пособие. — Стерлитамак: Стерлитамакский филиал БашГУ, 2017. — 119 с.
5. Одинцов В. Г. Поэтика романов Л. Н. Толстого. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1978. — 160 с.